

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XI ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР
(краткие сообщения и автоаннотации)

II

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1975

стах отсутствуют (или не стали обычными) суффикс множественности мэнь, служебное слово ди (в графическом варианте - 的), местопредикативы хэнь (ди, ди), хэньбань, чжэлян и чжэбань, вопросительный местопредикатив цзэнь и его формы, показатель каузативной конструкции чжао, сочетание мэй в, предлог совместности хэ и т.д. С другой стороны, после Тан исчезает префикс 阿, сокращается до случайных примеров употребление местоимения 伊 и "он", падает употребительность предлога 共 гун, слово 他 та не встречается как антоним возвратного местоимения, сокращается до случайных примеров отрицание вэйпэй, дополнение после предлога вэй, обозначающее лицо, для которого совершается действие, не может опускаться и т.д.

¹ В. Karlgren, *Etudes sur la Phonologie Chinoise*, - "Archives d'Etudes Orientales", vol. 15:1, 1915, p. 32.

² Н. Maspero, *Le dialecte de Tch'ang - ngan sous les T'ang*, - BEPEO, Nanki, 1920, p. 10-11.

³ 王力, *漢語言史稿*, 上冊, 科學出版社, 北京, 1958, с. 32-35 (Ван Ли, Опыт истории китайского языка).

⁴ Н. Maspero, *op. cit.*

⁵ Из сунских текстов нами использованы сборник рассказов "Цзинь бэнь тунсу сяошо" и тексты Чжу Си; из ваньских - песни цзацзэй и роман "Шуй ху чжуань".

Г. А. Зограф

"ВТОРИЧНАЯ ГЛАГОЛЬНАЯ ФЛЕКСИЯ" В НОВЫХ ИНДОАРИЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Характерной чертой развития морфологического строя индоарийских языков от древнеиндийского к современному состоянию является отмирание старых флективных форм и замена их аналитическими, подвергавшимися с течением времени стяжению, на почве чего возникают синтетические новообразования, определенные в свое время А. П. Баранниковым как "новая флексия"¹. Не останавливаясь на вопросе о границах применимости самого этого определения (в частности, именные новообразования подобного типа в большинстве новых индоарийских языков соответствуют скорее понятию агглютинативных), рассмотрим "новые флективные" глагольные

формы с точки зрения их места в современной системе новоиндоарийского (НИА) глагольного словоизменения.

Парадигматически НИА личные формы глагола по их структуре делятся на три группы:

(1) Первичные синтетические, т.е. присоединяющие личное окончание непосредственно к основе глагола. Они представляют собой результат прямого развития ДИА и СИА флективных форм. Их роль в современной НИА системе спряжения невелика - как правило ими замещается всего одна-две из 10-20 частных видо-временных парадигм.

(2) Вторичные синтетические, т.е. присоединяющие окончания "опосредованно" - к основе глагола, осложненной видовым или временным аффиксом. Из возможных здесь случаев нас интересует тот, когда окончания присоединяются к основе, оформленной аффиксом причастной этимологии: совершенного вида (-у-/ø или -1-) и несовершенного вида (-t-). Формы этого типа играют заметную роль в современной системе спряжения. По словоизменительным характеристикам окончаний их можно классифицировать далее как: а) чисто глагольные (изменяются в лице и числе или субординации), б) чисто именные (изменяются в роде и числе) и в) глагольно-именные (изменяются в роде, числе и лице).

(3) Аналитические, сочетающие в себе значимый компонент в форме, соответствующей причастию или деепричастию (редко - какой-либо иной), и вспомогательный глагол связочного типа. Первый изменяется (хотя и не везде) как правило по именной парадигме, второй - по глагольной. Аналитическими формами замещена преобладающая часть обычной НИА видо-временной парадигмы глагола.

В плане поставленной задачи нам интересна в первую очередь третья разновидность вторичных синтетических форм (2в). В упомянутой статье А.П.Баранникова подобные формы языка маратхи (наст. вр. *caṭṭō* 'я двигаюсь' и т.д. и прош. вр. *caṭṭō* 'я двинулся', построенные, соответственно, на основе причастий несовершенного и совершенного вида) вместе со стяженными "разговорно-бенгальскими", или "чодит бхаша" (наст.вр. *karchi* 'я делаю' и т.д.; ср. "старый" литературный стандарт - "шадху бхаша" *karitechi karite + āchi*) и цыганскими формами прошедшего времени (мэ лилем 'я взял' и т.д. - генетически возводимы к причастию прошедшего времени / совершенного вида) приводятся в качестве примеров новой глагольной флексии, возникшей из аналитических форм.

Обращает на себя внимание несоизмеримость приведенных форм бенгальского и двух других языков по их месту в системе.

Бенгальские стяжения являют собой принадлежность функционального стиля языка. Можно выстроить два параллельных ряда идентичных по значению форм — полных ("шадху бхаша") и стяженных ("чолит бхаша"):

	настоящее время		прошедшее время	
	несов.вид	сов. вид	несов.вид	сов.вид
(шадху)	karitechī	kariyāchi	karitechilām	kariyāchilām
(чолит)	karchi	karechi	karchilām	karechilām,

причем в обоих временах названные формы имеют еще и третий кор-
релят — синтетическую форму "общего вида" (kari 'я делаю',
karilām 'я сделал'). В диалектах и говорах стяжение может захо-
дить настолько далеко, что в отдельных случаях сегментация зна-
чимого и вспомогательного компонентов на основании чисто синхрон-
ного анализа оказывается затруднительной. Здесь налицо динами-
ческий современный процесс перехода от аналитических форм к но-
вейшим синтетическим, пронизывающий всю систему спряжения.

В маратхи формы типа cāltō и cālīō соотнесены с аналити-
ческими в рамках единой системы современного литературного язы-
ка. С ними сосуществуют, функционально противостоя им, аналити-
ческие формы типа: cālat āhē / cāltō āhē 'я иду [сейчас]'
("наст. продолженное"), cālat astō 'я хожу [постоянно]' ("наст.
обычное"), cālīō āhē 'я [уже] пошел' ("наст. совершенное"),
cālīō hotō 'я [раньше] ходил' ("предпрошедшее") и др. Характер-
но также, что в аналитических формах совершенного вида участву-
ет, как видно по приведенным примерам, спрягаемый причастный
компонент. Учитывая к тому же относительно позднее формирование
современной симметричной системы аналитического спряжения, при-
ходится усомниться в том, чтобы названные синтетические формы
могли быть результатом современного, т.е. новоиндийского, стяже-
ния. Последнее, как и в бенгальском, имеет место в просторечных
и диалектных разновидностях маратхи, но оно не стало здесь
всеобъемлющим и дает результаты, отличные от рассматриваемых
форм (в частности, распространяется и на третье лицо — ср. ниже).

На то, что это явление более раннее, указывает цыганский
язык, оторвавшийся от индоарийских еще в первом тысячелетии н.э.
Ему абсолютно несвойственны аналитические глагольные формы ново-
индийского типа, и тем не менее он обладает формами прошедшего

времени, в которых усматривается такое стяжение. Сравним парадигмы форм "претерита" в цыганском, маратхи, синдхи (здесь они тоже присоединяют глагольно-именные окончания) и хинди (как один из языков с чисто именными окончаниями соответствующих форм):

	цыганский	маратхи			синдхи		хинди		
	марэ	cālnē	'идти'	halanu	'идти'	calnā	'идти'		
	'бить'	м.р.	ж.р.	ср.р.	м.р.	ж.р.	м.р.	ж.р.	
Ед.1.	мардēm	cāllō	cāllē	<u>cāllē</u>	halyasi	halyasi	}	<u>calā</u>	<u>calī</u>
ч. 2.	мардян	cāllās	cāllīs	cāllēs	halyē	halyā			
3.	<u>марля</u>	<u>cāllā</u>	<u>cāllī</u>	<u>cāllō</u>	<u>halyo</u>	<u>halī</u>			
Мн.1.	мардям		cāllō		halyāsī	halyūsī	}	<u>cale</u>	<u>calī</u>
ч. 2.	<u>марлэ</u>		cāllā		halyau/	halyū			
3.	<u>марлэ</u>	<u>calle</u>	<u>cālyā</u>	<u>cāllī</u>	<u>halyā</u>	<u>halyū</u>			

Характерно, что глагольно-именные окончания появляются только в первом и, менее регулярно, втором лице, тогда как третья повсеместно сохраняет чисто именное (формы с ними подчеркнуты). Не касаясь существа предлагаемых этимологий конкретных окончаний (они заслуживают специального анализа), заметим, что традиционное возведение их к ДИА и СИА формам глагола-связки², сочетающимся с пассивным причастием совершенного вида (которое вытесняет личные глагольные формы прошедшего времени уже в санскрите), хорошо согласуется с дистрибуцией связки при таких причастных формах, отмеченной в праkritах, - появлением ее в первом и втором лицах, но не в третьем³.

Появление глагольно-именных окончаний и у синтетических форм, опирающихся на причастие несовершенного вида ("простое настоящее время изъявительного наклонения" и "общая форма условного наклонения" в маратхи; "простое будущее" в синдхи), можно объяснить последующим "выравниванием" парадигмы по аналогии с описанными выше формами совершенного вида (прошедшего времени). Во всяком случае, дифференциация двух типов глагольно-именных окончаний при причастной основе на -t- в маратхи представляет собой явление позднее⁴. Влияние уподобления по аналогии (но в данном случае первичным флективным формам, с окончаниями которых они в значительной мере совпадают), по-видимому, сыграло определенную роль в формировании системы вторичных чисто глагольных окончаний в восточных НИА языках. Неустойчивость новых синтетических спрягаемых форм, чередующихся с неоформлен-

ными, например, в первом лице, зафиксирована здесь в старых письменных текстах⁵.

Изложенные соображения требуют еще дальнейшей разработки и проверки. Тем не менее сказанное позволяет заключить, что в новых индоарийских языках следует различать по меньшей мере три исторических слоя (не смешивать со структурными типами!) синтетических личных форм глагола:

- 1) первичные, развившиеся из флективных древнеиндоарийских;
- 2) вторичные, образованные на основе стяжения среднеиндоарийских аналитических сочетаний, а также по аналогии с такими новообразованными (и, возможно, первичными) формами;
- 3) третичные, возникающие в результате стяжения /современных/ новоиндоарийских парадигматических аналитических форм.

---

¹ А.П.Баранников, Флексия и анализ в новоиндийских языках, - "Уч. зап. ЛГУ", № 98, Л., 1949, с.12.

² E. Trumpp, Grammar of the Sindhi language, London-Leipzig, 1872, p.290-291; но ср.: S.K.Chatterji, The origin and development of the Bengali language, Calcutta, 1926, p.973 ff.

³ J.Bloch, Indo-Aryan from the Vedas to the modern times, Paris, 1965, p.271.

⁴ J.Bloch, La formation de la langue marathe, Paris, 1920, p.244.

⁵ S.K.Chatterji, op.cit., p.947 ff.; B.Kakati, Assamese, its formation and development, Gauhati, 1949, p.330 ff.

К.Б.Кешинг

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ГЛАГОЛОВ И СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНОЕ СОГЛАСОВАНИЕ В ТАНГУТСКОМ ЯЗЫКЕ

I. Порядок слов в тангутском языке П-Д-С. После сказуемого могут стоять только относящиеся к нему служебные слова.

Считается, что в тангутском языке категория лица в глаголе не получает формального выражения¹. Однако в исследованных нами тангутских текстах² местоимение первого лица 𑖑𑖓𑖔 nga